

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Ганс Кohn

АЗБУКА НАЦИОНАЛИЗМА*

1. Корни национализма

Что такое национализм? Национализм — это состояние ума, убежденного, что высшей ценностью личности должно быть национальное государство. Глубокая привязанность к родной почве, к местной традиции, к установившимся местным авторитетам с различной силой проявлялись на протяжении истории. Однако лишь с конца XVIII в. национализм в современном смысле слова стал повсеместно пробудившимся чувством, которое во все большей мере формирует общественную и частную жизнь. Идея, что у каждой нации должно быть свое собственное государство, охватывающее всю нацию, возникла сравнительно недавно. Прежде человек был обязан соблюдать преданность не национальному государству, а политической организации или идеологической общности, таким как племя или клан, город-государство или феодальный сюзерен, династическое государство, церковь или религиозная группа. В течение многих веков политическим идеалом было не национальное государство, а (по меньшей мере, теоретически) мировая империя, включающая различные народы и этнические группы на основе общей цивилизации и имеющая своей целью обеспечение всеобщего мира.

* Из книги (Hans Kohn) *Nationalism: Its Meaning and History*, 1955.

Нации — продукт живых сил истории; понятие о них меняется, никогда не застывая. Нация это чрезвычайно сложное понятие, не поддающееся точному определению. Большинство наций обладает определенными объективными признаками, отличающими их от других наций, такими как общее происхождение, язык, территория, политическая общность, обычаи, традиции и религия. Ясно, однако, что ни один из этих факторов не является решающим для определения нации или обязательным условием ее существования. Так, население Соединенных Штатов не имеет общего происхождения, а население Швейцарии, говорящее на трех-четырёх языках, тем не менее образует вполне определенную нацию. Хотя объективные факторы играют огромную роль в формировании наций, наиболее важный элемент — это живая и активная коллективная воля, которую мы называем национализмом. Именно национализм вдохновляет большинство народа и претендует на то, чтобы вдохновлять всех представителей нации. В этом проявляется уверенность, что национальное государство идеально и является единственно законной формой политической организации, что нация — источник культурной творческой энергии и экономического благосостояния.

Современный национализм. Еще до наступления эпохи национализма появились проповедники чувств, сходных с национализмом. Однако тогда это были выступления отдельных лиц. Массы еще не ощущали того, что их жизнь — культурная, политическая, экономическая — зависит от судьбы их национальной общности. Внешняя опасность может пробудить страстное чувство национальной связи, как это случилось в Греции в эпоху греко-персидских войн или во Франции во время Столетней войны. Однако, как правило, войны, вплоть до Французской революции, не вызывали глубоких национальных чувств. В ходе Пелопоннесских войн греки ожесточенно воевали с греками. В религиозных и династических войнах, предшествовавших новому времени, немцы воевали против немцев, а итальянцы — против итальянцев, никак не осознавая „братоубийственной“ сущности своих действий. Даже в XVIII в. и солдаты и гражданские лица в Европе поступали на службу к „иностранцам“ правителям и нередко служили им с лояльностью и преданностью,

доказывавшими отсутствие какого-либо национального чувства.

До весьма недавних пор нация не рассматривалась и как источник культурной жизни. Образование и обучение, формирование мышления и характера человека на протяжении почти всей истории не вписывались в какие-то национальные границы. В течение многих веков источником всей культурной и духовной жизни считалась религия. В эпоху Возрождения и позднее образование повсюду в Европе уходило своими корнями в общую традицию классической цивилизации. Идеалы рыцарства в средневековой Европе и традиции французской придворной жизни распространялись в XVII–XVIII вв. через все национальные границы. Лишь в XIX в. в Европе и Америке, а в XX в. — в Азии и Африке народы стали отождествлять себя с нациями, цивилизации — с национальной цивилизацией, свою жизнь и выживание — с жизнью и выживанием нации. С этого времени национализм стал доминировать в чувствах и оценках масс и в то же время стал служить оправданием власти государства, легитимацией использования его силы как против собственных граждан, так и против других стран.

Древние евреи и греки. Несмотря на его современный характер, некоторые основные признаки национализма проявились весьма давно. Корни национализма проросли из той же почвы, что и сама западная цивилизация — от древних евреев и древних греков. Оба народа имели четко выраженное сознание своего отличия от других народов: евреи от иноверцев (гойм), греки — от варваров. Носители их группового сознания были не короли и духовенство, а народ как целое — каждый еврей и каждый грек. У других народов античного мира только правители и империи оставили след в истории. У евреев и греков национальный характер и творческая энергия духа обнаружили прочность и продолжительность. Именно потому, что их культурная традиция оказалась сильнее расовой, политической и географической, эти народы продолжают жить и сегодня. Им не была известна идея национального государства, но они обладали сильным сознанием своей культурной миссии.

От евреев берут начало три важных черты современного национализма: идея избранности народа, упор на общую память

о прошлом и надежды на будущее и, наконец, национальное мессианство. У истоков еврейской истории находится Завет, заключенный между Богом и Его народом. Начиная с эпохи пророков, евреи рассматривали всю историю как единый процесс, как непрерывную линию, идущую от истока к одной цели, причем евреям уготована в этом процессе особая, отличная, центральная роль. В царстве Божием драма всеобщей истории должна найти свое судьбоносное завершение, а идея Завета — свое исполнение. Мессианство стало философией истории, которая оправдывает в глазах страдающего человека пути Господни. Но не только угнетенные народы находили убежище в надежде на свое мессианство; оно стало символом национальной гордости и нередко обращалось в опасные претензии на величие и всемогущество; оно повело также к борьбе еретических сект и угнетенных классов за осуществление их чаяний и устремлений, а в качестве светской идеи исторического процесса мессианство и по сей день сохраняет нечто от религиозной страстности.

Греки разделяли с евреями чувство культурного и духовного превосходства над другими народами и выражали это чувство весьма откровенно. В дополнение к этому греки развили концепцию преданности политической общине, в их случае — городу-государству, полису. Каждый гражданин должен был полностью отождествить себя с жизнью полиса, стать насквозь политизированным. Спарта в древней Греции и Платон в „Республике“ постулировали абсолютный приоритет государства перед личностью, идеализировали закрытое авторитарное государство. Однако к концу IV в. до н. э. мечта Александра Македонского о мировой империи, негреческой по происхождению, способствовала преобразованию сознания резкого различия между греками и варварами в универсализм, прорывающий этнические границы и отличия. Устремления Александра отразились в учении греческих философов-стоиков, рассматривавших как свое отечество всю обитаемую землю — космополис; они учили, что человек принадлежит не нации, а человечеству.

Универсализм Римской империи. Стоицистская философия повлияла на римскую мысль последних двух веков до н. э. — именно того времени, когда город-государство вырос в империю, организующую всю известную им тогда часть земли на

основе общего закона и общей цивилизации. Универсализм империи, уходящий корнями в эллинистическую цивилизацию, но свободный от чувства исключительности греческого государства, подготовил почву для распространения универсалистского христианства, уходящего корнями в иудаизм, но свободного от чувства этнической исключительности Израиля. Позднее Римская империя, центр которой переместился в Константинополь, и христианская церковь слились воедино. Под их совместным влиянием для политического и культурного мышления Средних веков стало характерным убеждение, что человечество едино, и оно должно сформировать единую общину. Вплоть до Нового времени религия с ее унифицирующим воздействием на мышление, общественную жизнь и поведение господствовала в частной и общественной жизни и христианских и мусульманских стран. Данте, величайший поэт христианского Средневековья, выразил идею универсализма и непрерывности объединяющей миссии Римской империи с такой торжественностью и непреходящей силой, каких не удостоились никакая иная идея и устремление. Ни малейшей мысли о политическом единстве Италии или об отказе германцам в роли носителей имперского достоинства не приходило ему в голову.

Возрождение и Реформация. В XIV в. стало ясным, что объединение под императорской властью, о котором мечтал Данте, не может осуществиться. В то же время папство — другой центр универсалистских надежд — оказалось в плену в Авиньоне.* Начинаясь поиски новых авторитетов и сил интеграции. На переходе западного христианства от Средних веков к Новому времени главное формулирующее воздействие оказали две великих духовных революции, известные как Возрождение и Реформация. Древние классики и Ветхий Завет были теперь прочитаны в новом свете и в новом понимании. В обоих этих источниках были обнаружены семена растущего национального сознания. Новую жизнь обрели понятия и ассоциации, вызванные патриотической приверженностью греков классической эпохи к полису и римлян-республиканцев — к родине, патри. Возродив-

* Авиньонское пленение пап (1309—1377 гг.) — пребывание папской курии в Авиньоне (на юге Франции). — Ред.

шийся интерес к античной истории породил у итальянской интеллигенции сознание своего предполагаемого тождества с древними римлянами. Средневековые авторы писали во имя служения церкви и во славу Божью. Гуманистов Возрождения князья и города нанимали для прославления нанимателей. Однако Возрождение было недолговечным феноменом, оно затронуло слишком узкий тогда круг образованных людей, чтобы это могло способствовать развитию каких-либо национальных идей. Реформация положила конец краткой светской интерлюдии Ренессанса. Христианство и религиозные диспуты вновь стали центром всех интересов и деятельности. Народы Европы в XVI—XVII вв. воевали не во имя национальных ценностей, а во имя догматических истин. Народы изгонялись или наказывались не вследствие этнических или лингвистических различий, а за религиозные ереси или за вероотступничество.

Единственным, кто поднял голос за национализм в эпоху Возрождения, был Никколо Макиавелли (1469—1527 гг.). Будучи, как и Данте, флорентийцем, он, однако, не видел никакой пользы в универсализме и религии — двух великих силах, господствовавших в жизни Данте. В последней главе своей знаменитой книги „Князь” Макиавелли взывал к сильному человеку, который должен освободить Италию от варваров. Но призыв этот был гласом вопиющего в пустыне. Ни один итальянец не интересовался делами Италии и даже не понимал, что это значит. И все же Макиавелли сыграл важную роль в подготовке почвы для национализма. В „Князе” он обрисовал новое светское государство, не зависящее от каких-либо религиозных или моральных санкций, где власть является самоцелью и где все средства для достижения этой цели оправданы. Предвидя будущее, он писал: „Там, где возникает решительный вопрос, касающийся благосостояния нашей страны, мы не должны обсуждать проблемы справедливости или несправедливости, милосердия или жестокости, прославления или унижения — следует отложить все это в сторону и принять такой курс, который обеспечит существование страны и сохранит ее свободу” (Перевод с англ. — Ред.).

Между Реформацией и национализмом столь же мало прямых связей, как между национализмом и Возрождением. Перво-

начально протестантизм был столь же универсальным религиозным движением, как и католичество. Но сам факт его возникновения разрушил религиозный универсализм христианского Средневековья. Его призыв к индивидуалистскому сознанию облегчил умножение сект и течений. Упор протестантизма на чтение Библии и проповедь как центральный момент церковной службы укреплял местные языки. Перевод Библии на местные языки придал им новое достоинство и нередко служил первотолчком для развития национальных языков и литератур. Так литература стала доступной народу как раз в то самое время, когда изобретение книгопечатания облегчило и удешевило выпуск книг.

Если Реформация содействовала религиозному и лингвистическому плюрализму Нового времени, то концепция государства и княжеской власти, развитая в эпоху Возрождения, способствовала формированию новых централизованных династических государств, ставших основой, на которой (во всяком случае, в Западной Европе) позднее сложились национальные государства. Абсолютные монархии разрушили разного рода феодальные и местные зависимости и таким образом сделали возможной интеграцию всех видов зависимости в полярность к единому центру. Растущие хозяйственные связи требовали более крупных территориальных образований, нежели поместья, города и княжества прежней эпохи. Только такие более крупные образования создавали необходимый простор для динамичного духа поднимающегося среднего класса и его капиталистической предприимчивости. Однако эти новые централизованные государства, подобные созданным Тюдорами в Англии, Людовиком XIII — во Франции, еще не были национальными государствами. Здесь государством был король. Только Англия в XVII в., а затем Франция в ходе революции 1789 г. перестали быть государствами королей и стали государствами народов — национальными государствами, отечествами. Нация, а не король, ощутила свою ответственность за судьбу государства. С тех пор и до наших дней в Западной Европе нация и государство стали отождествляться, а цивилизация стала определяться как национальная цивилизация.

От основания Римской империи и до конца средних веков

люди подчеркивали общее и универсальное и в имперском единстве видели желанную цель. В противоположность универсализму прошлого новый национализм славил особенное и местное, национальные различия и национальную индивидуальность. Такие тенденции стали еще более заметными по мере того как национализм получил новое развитие в XIX—XX вв. В XVII—XVIII вв., на ранней стадии национализма на Западе, общие стандарты западной цивилизации, сохранившиеся традиции христианства и стоицизма, уважение к универсальному гуманизму, всеобщая вера в разум и в здравый смысл — все это было еще слишком сильным, чтобы национализм мог развиваться в полную силу и разрушить общность людей. Поэтому в начальной своей стадии на Западе национализм мог предстать в облике, которое создавало видимость его совместимости с космополитическими убеждениями и с любовью ко всему человечеству.

2. Пробуждение национализма и свобода

Первая современная нация. Впервые национализм Нового времени полностью проявился в Англии в XVII в. Англия тогда впервые предстала ведущей нацией европейского сообщества; она играла ведущую роль именно в сферах, характерных для Нового времени, которые резко отделяли его от предшествовавших эпох: в науке, политическом мышлении и деятельности, в коммерческом предпринимательстве. Вдохновленный верой в открывшиеся ему возможности, английский народ ощутил на своих плечах бремя исторической миссии. Он, простой народ Англии, стал избранным народом на великом поворотном пункте, с которого должна была начаться новая, истинная Реформация. Английские революции XVII в. впервые бросили вызов авторитарной традиции, на которой основывались церковь и государство, и вызов этот был брошен во имя свободы человека.

Под влиянием пуританства новую жизнь обрели три главных идеи еврейского национализма: избранность народа, его Завет с Богом и мессианские чаяния. Английская нация рассматривала себя как Новый Израиль. Английский национализм вырос из религиозной матрицы, и эту особенность он сохранял

всегда. В Англии никогда не существовало острого конфликта между национализмом и религией, которые наблюдались в других странах. В то же время английский национализм более чем где бы то ни было стал отождествляться с концепцией свободы личности. Эта тяга к свободе нашла свое величайшее выражение в произведениях Джона Мильтона (1608–1674 гг.). По Мильтону, национализм — не борьба за коллективную независимость от „тужеземного ига“; это утверждение свободы личности от власти, самоутверждение индивидуальности перед собственным правительством и церковью, „избавление человека от гнета рабства и предрассудков“. Для Мильтона свобода означала свободу религиозную, политическую и личную. Кульминация его призыва к свободе печати в „Ареопагитике“ в возгласе: „Превыше всех свобод дайте мне возможность знать, высказываться, спорить свободно по велению совести“.

Пуританская революция в высказывании ее вождя Оливера Кромвеля (1599–1658 гг.) впервые выводит на авансцену истории два великих принципа. „Свобода личности и свобода совести — это два великих требования, за которые необходимо бороться, как и за все другие свободы, данные нам Богом“, — заявил он в речи в парламенте 4 сентября 1654 г. „Свободная церковь“ требовала „свободного государства“. Однако время для этого еще не пришло. Пуританская революция еще кипела эмоциями и сектантской нетерпимостью века религий. Казалось, реставрация нанесла ей поражение, но главные чаяния революции обрели новую жизнь и возгордились через тридцать лет после смерти Кромвеля в ходе Славной революции: верховенство закона над королем, приоритет парламента в издании законов, беспристрастность юстиции, охрана прав личности, свобода мысли и печати, религиозная терпимость. Славная революция вознесла новые свободы над стихией фанатических религиозных и партийных распрей, сделав их основой жизни нации, укоренив их в исторической традиции как „истинные и древние права народа этой земли“. Пуританская революция выродилась в парламентскую и военную диктатуру. Славная революция настолько укоренила новый и все более расширяющийся кодекс свобод и терпимости в национальной жизни и характере англичан, что с тех пор не было сделано ни единой сколько-нибудь серьез-

ной попытки подорвать его. Славная революция создала климат примирения, дискуссии и компромисса; только в таких условиях демократия может проникнуть во все поры национальной жизни.

Национализм и свобода. В XVIII в. национализм как активная сила истории ограничивал свое влияние побережьем Северной Атлантики. Он выражал дух эпохи, которая делала упор на личность и ее права, дух века выражался также в гуманизме эпохи Просвещения. Подъем британского национализма в XVII в. совпал с возвышением британского торгового среднего класса. Все это нашло яркое выражение в политической философии Джона Локка (1632–1704 гг.). Характерно, что его первый „Трактат о государственном правлении“ начинается фразой, которая сводит воедино его гуманистическое и национальное мировоззрение: „Рабство — настолько отвратительное и оскорбительное для человека состояние, оно столь несовместимо с великодушием и отвагой нашего народа, что невозможно представить англичанина, а тем более джентльмена, который мог бы высказываться за него“. Философия Локка немало послужила нарождающему среднему классу, ибо стержнем ее была собственность и оправдание собственности, основанной не на захвате, а на собственном труде и усилиях человека. Однако Локк оказал услугу не только своему классу, так как отстаивал еще два принципа: 1) личность, ее свобода, достоинство и счастье — основные факторы всей национальной жизни; 2) правительство нации — объединение, основанное на морали и зависящее от свободного волеизъявления подданных. Если во Франции и вообще во всей Европе авторитарный абсолютизм королей и церкви вышел победителем из сражений XVII в., то Англия оказалась единственной страной, где твердыня абсолютизма была разбита. Только здесь проявилось свободное и мощное общественное мнение, которое обеспечило себе влияние на ведение национальных дел, хотя само ведение этих дел оставалось еще в руках олигархии. Именно в Англии национальный дух пронизал все институты и создал живую связь между правящими классами и народом. Именно под влиянием либерального британского национализма французские философы XVIII в. боролись про-

тив авторитаризма, нетерпимости, церковных и государственных запретов.

Британское влияние на Францию, усилившееся в результате пребывания Вольтера в Англии в 1726–1729 гг., его письма о жизни и свободах англичан имели значение не только для Франции. К XVIII в. Франция уже в течение двух столетий была интеллектуальным центром Европы. Французский язык стал универсальным языком образованных кругов повсюду. Британские идеи личной свободы и национальной организации стали известны за границей через французских мыслителей, были впитаны и переработаны общим сознанием людей Запада XVIII в. благодаря гениям французской рационалистской мысли и прозрачности французского языка. Так национальные и исторические свободы британцев приобрели всеобщее значение. Они стали образцом для пробуждающейся либеральной мысли эпохи. До 1789 г. они оказали лишь незначительное непосредственное влияние на политическую, религиозную и социальную действительность Франции, но стали важным фактором зарождения американского национализма в 1775 г.

Национализм в британской Северной Америке. Политическая и интеллектуальная жизнь тринадцати колоний Северной Америки сложилась на основе пуританской и Славной революций. Британские традиции конституционных свобод и общественного права смогли свободнее развиваться на широких открытых просторах еще не освоенного континента, нежели на старой родине. В колониях отсутствовали пережитки феодального прошлого, сдерживающие развитие нового. Пуритане Новой Англии сохранили ощущение себя как Нового Израиля, отождествления себя с древними евреями, когда в Англии эти чувства уже исчезли. Казалось, Провидение открывает перед новой страной безграничные возможности; свойственное европейскому XVIII в. прославление примитивной, нетронутой природы прибавляло новое очарование девственной земле Америки; новое рационалистическое толкование, которое дали британским свободам французские философы, способствовало распространению исторических свобод „старой“ страны до уровня универсальных свобод нового мира. Американцы, отстававшие в области свобод от британцев, ощущали в себе силу, способную

породить высшую форму свободы. Их борьба за толкование британской конституции, в основе которого лежала гражданская война между тори и вигами в Британской империи, не только обеспечила более свободную конституцию для всей империи. Она создала новую нацию, рожденную на свободе по воле народа, возникшую не в сумрачном историческом прошлом, не из феодальной и религиозной традиции Средних веков, а в ярком свете века Просвещения.

Было очевидно, что новая нация основывается не на общности происхождения или религии, и что она не отличается по языку, по литературной и законодательной традиции от нации, от которой она хотела бы отделиться. Нация родилась в общих усилиях, в борьбе за политические права, личную свободу и терпимость — те же британские права и традиции, но возведенные здесь в ранг неотъемлемых прав каждого человека, приобретшие характер универсальной надежды, возведенной всему человечеству. Разнообразие религий и религиозная терпимость в Америке XVIII в., неслыханные для того времени, сосуществовали с разнообразием расовых потоков, смешивавшихся в „плавильном котле“, и расовой терпимостью. Цементировала новую нацию идея свободы в рамках закона, закрепленная в Конституции. Американская Конституция вступила в силу в начале 1789 г. — года Французской революции. Несмотря на свое несовершенство, эта конституция выдержала испытание временем лучше, чем какая бы то ни было иная конституция на земле. Она выжила потому, что идея, отстаиваемая ею, настолько тесно сплавилась с жизнью американской нации, что без этой идеи нация не смогла бы существовать. Впервые нация возникла на основе тех истин, которые кажутся самоочевидными: „все люди сотворены равными, они одарены своим Создателем известными неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: свобода и стремление к счастью“.* Этими истинами нация не могла бы поступиться, не разрушив собственных основ. Эти истины оказали глубокое воздействие на начальный период Французской революции, когда на место французского

* Цитируется по переводу Декларации независимости, опубликованном в „Проблемах Восточной Европы“, № 19–20, стр. 271.

королевского дома на престол был возведен французский национализм в качестве решающего фактора французской истории. Однако во французский национализм вошел новый элемент — миф о коллективной личности, выраженный в плодотворных, хотя и мятущихся мыслях Руссо.

Жан Жак Руссо. Под влиянием британских идей Просвещение, или Век разума, провозгласило право свободной личности на свободу. Руссо (1712—1778 гг.) разделял веру в свободу человека. Однако он видел изъяны индивидуалистского подхода. По мнению Руссо, когда в государстве рушатся старые династические и религиозные авторитеты, возникает необходимость в формировании коллективной личности нации как нового центра, как легитимации общества и общественного порядка. Суверенитет государства находит свое видимое воплощение в правителе, чья воля — государство. *Regis voluntas suprema lex.** Как может новый суверен — народ — выразить свою единую волю? Как может народ стать единым телом, подобно правителю, который тоже должен быть один? Для этого весь народ должен быть объединен чувством самой тесной близости, общностью судьбы и ответственности. Руссо — уроженец швейцарской городской республики Женевы, испытывал ностальгию по греческим городам-государствам, по исключительной и всеохватывающей преданности граждан полису. Руссо, живший во Франции на положении несчастного изгнанника, видел зло произвола со стороны короля и двора. Он хотел заменить этот порядок правительством Разума, при котором человек соблюдал бы правила общественного порядка по собственной воле и подчинялся бы законам потому, что он сам предписал их себе. Об этом написана книга Руссо „Об общественном договоре“ (1762). В книге воссоздана идеальная община, основанная на патриотических добродетелях древних городов-государств, кальвинистской женеvской традиции непогрешимости народа и на гордом чувстве независимости граждан сельских швейцарских республик. Руссо был убежден, что подлинная политическая общность может основываться лишь на добродетели граждан и на их горячей

* „Воля короля — высший закон“.

любви к отчизне. Общественное образование должно воспитывать эти чувства в сердцах детей.

Руссо был первым крупным писателем, который не признавал аристократическую и рационалистскую цивилизацию той эпохи высшим достижением прогресса человечества. Руссо возмущала эгонстическая жизнь ради удовольствий, которую вело французское общество того времени, отсутствие у него интереса к общественным нуждам, пренебрежительное отношение к благополучию людей. Он призывал к новому подходу к обществу, к преобразованию не умов, но сердец, к благородности, к упрощению и внутреннему сосредоточению. Он полагал, что чистую жизнь, к сожалению, отвергнутую образованными высшими классами, он нашел среди простых людей, особенно крестьян; лишь они все еще живут у истоков добра, на лоне природы, не испорченные искусственной цивилизацией. Сердцевиной нации, которая дает нации силу и направляет ее, для Руссо были не аристократы по рождению и образованию, а сам народ. Активная деятельность людей — равноправных граждан, объединенных чувством братства и взаимопомощи, представлялась Руссо единственной этической и рациональной основой государства. В то же время он верил, что любовь к национальной общности, эмоциональный и почти религиозный патриотизм являются живой кровью, питающей развитие человеческой личности. В своей утопии — а „Общественный договор“ Руссо такая же утопия, как „Республика“ Платона — он делает сувереном добродетельный сплоченный народ, людей, выражающих свою волю через „общую волю“, которая (в Утопии) была производной всех индивидуальных волей, но отличалась от воли каждой личности, ибо была выражением не случайности или произвола, а Разума и Добра, добродетельного патриотизма, который должен воодушевлять каждого члена общества.

Руссо оказал сильнейшее влияние на последующие поколения. Его вера в исцеляющую силу природы, в чистоту неиспорченного человеческого сердца, его уважение к простому человеку, его стремление к личной свободе, его призыв к национальному патриотизму — все это во многом сформировало мышление западного мира в 1770—1850 гг. Для поколения конца XVIII в. молодая республика по ту сторону Атлантического

океана представлялась исполнением идеалов Руссо, национальным сообществом без двора и аристократии, без государственной церкви и господствующего духовенства, члены которого живут простой и добродетельной жизнью среди природы и в целомудрии. Здесь нет имущественной и иной зависимости, нет изысков цивилизации, которые могут помешать стихийному развитию добродетелей человека. Казалось, британские свободы и англо-американский моральный энтузиазм совершили великие дела в сумрачной Британии и в далеких лесах Нового Света. Насколько же более великие дела может совершить Франция — страна, благословенная природой и цивилизацией, высоко почитаемая даже при деспотическом правлении, если она сможет благоденствовать по законам Разума и Свободы!

Французская революция. Возрождение Франции в царстве Разума и Свободы было первой целью революции 1789 г. Ведущая политическая и культурная роль Франции в западном мире при абсолютной монархии в XVII в. явно близилась к концу. Слава французского оружия потускнела, империя утратила крупные территории, в финансовом отношении страна находилась на грани банкротства, экономическая и интеллектуальная жизнь нации была скована отжившими традициями, институтами и законами. Ощущение глубокого упадка пронизывало всю общественную жизнь Франции.

Первоначально Французская революция вдохновлялась идеей конституционных свобод и ограниченного правления по английскому образцу. Но во Франции традиции абсолютизма и авторитаризма не способствовали подготовке народа к самоуправлению и ограничению власти суверена. В ходе революции абсолютная власть короля была заменена абсолютным суверенитетом народа. В духе Руссо многие французы звали к общему патриотическому энтузиазму и к единству национальной воли. Они обращались за примерами к предполагаемым гражданским добродетелям Спарты и республиканского Рима, к их горячему патриотизму и боевому духу. Национализм, сложившийся у англоязычных народов в течение ста лет между Славной революцией и началом Французской революции, уважал частную жизнь личности: государство рассматривалось как защитный покров для свободной игры индивидуальных сил.

Национализм Французской революции делал упор на то, что долг и достоинство гражданина — в его политической активности, а его самореализация — в полном единении с нацией-государством.

Французская нация родилась в 1789 г. во внезапном взрыве энтузиазма. В начале года в стране еще были весьма сильные центробежные течения. Разделение на провинции и города с их собственными законами и традициями, местной экономикой, системой мер и весов, разделение на классы и касты со строго определенными привилегиями, правами и обязанностями — все это ставило непреодолимые барьеры во всех сферах национальной жизни. В июне 1789 г. впервые после 1614 г. были созваны предусмотренные традицией Генеральные Штаты; но перерыв в их работе был слишком долг, за это время условия жизни общества слишком изменились. Под давлением третьего сословия Генеральные Штаты были преобразованы в Национальное собрание, орган, представляющий уже не отдельные сословия, а всю объединенную нацию. В августе того же года был сделан следующий, исключительно важный шаг к формированию французской нации: были сметены все географические и классовые барьеры, многочисленные группы и касты отказались от множества своих привилегий и исторических прав. Впервые было достигнуто национальное единство. В том же месяце была провозглашена Декларация прав человека и гражданина, которая провозгласила основой нового порядка нацию, состоящую из свободных личностей, находящихся под защитой закона. Провозгласив независимую личность отправной точкой и конечной целью всего общества, Декларация воплотила в себе век Просвещения, Славную революцию и Американскую революцию 1775–1776 гг. Она защищала достоинство, частную жизнь и счастье личности от растущего давления власти и общества. В течение всего XIX века Декларация была символом веры, предохранявшим новый национализм от вырождения в идеологию авторитаризма и тоталитаризма. Однако опасность такого вырождения таилась уже в той страсти к национальному единству и к разумной эффективности, на которой зиждилась Французская революция. Эта страсть привела революционный национализм к чрезмерной централизации и превратила его чуть ли

не в религию, то есть завела его намного дальше, чем в Англии и в США.

Страсти, пробужденные новым национализмом, угрожали смести барьеры, защищавшие в XVIII в. достоинство человека и его свободы. Рождение нового национализма совпало по времени с переходом от сельской к городской экономике, с ростом социального динамизма и усилением капитализма, с ускорением темпов жизни в связи с механизацией промышленности и распространением образованности. Традиционная организация общества по деревням и гильдиям уступила место неорганизованным городским массам, увеличившимся вследствие миграции из сельской местности. Массовая психология городского населения создавала новые проблемы. Не обладая устойчивостью традиционных обществ, эти массы гораздо легче увлекались утопическими надеждами и приходили в волнение от необоснованных страхов. Ускорение темпов эпохи привело к ускоренному формированию и смене элит, которые учились все более искусно манипулировать надеждами и опасениями масс. И для элит и для масс национализм становится прежде всего средством организации и самовыражения. (Позднее с национализмом стал конкурировать социализм, пока эти две динамичные революционизирующие приманки масс не слились воедино в сталинизме и гитлеризме.) Со времени Французской революции национализм, куда бы он ни проникал, повышал роль социально-экономических проблем. Между 1789 и 1795 гг. национализм достиг своих крайних точек: в признании достоинства личности (в Декларации прав) и во взрывах коллективных страстей против прав личности. Так Новый век, подобно Янусу, показал два своих лица.

Новый национализм в действии. В силу исторических причин, в пределах Франции сохранились два папских анклава — Авиньон и Венесен. Для воссоединения с Францией они использовали новый принцип национального самоопределения — волю общества выяснил плебисцит. В эпоху национализма этот способ использовался бесчисленное количество раз, но уже в ходе Французской революции обнаружилось грубое нарушение „во имя национальных интересов”. Нередко манипулировали стремлением к единству, воля общества фальсифицировалась.

Однако в начале революции чувства национального единства и братства было подлинным и стихийным. Оно явно проявилось в „празднике федерации”, впервые отмеченном 14 июля 1790 г., в годовщину взятия Бастилии народом Парижа. Во всех общинах Франции были воздвигнуты „алтари отечеству” с надписью „Гражданин родится, живет и умирает во имя Отечества”. Люди стекались к этим алтарям с пением патриотических песен и приносили присягу поддерживать национальное единство, подчиняться закону и защищать высшего законодателя — суверенный народ.

Однако национальное единство долго не удержалось. Нацию разделили политические и религиозные разногласия. Возрожденная нация нуждалась в преобразованной религии; она испытывала недоверие к традиционным универсальным связям через веру. До сих пор основные моменты человеческой жизни — рождение, брак, смерть — были областью, принадлежащей церкви, и через нее получали свой смысл и оформление. В 1792 г. стала обязательной регистрация всех актов семейного положения и гражданского состояния властями нового национального государства. Новый патриотизм пошел еще дальше в новаторском энтузиазме. Дни календаря, новорожденные дети, улицы городов получали имена, связанные с новой гражданской религией. Многие сторонники традиционных религиозных верований оказались в конфликте со своей совестью: прежняя религия противостояла новым национальным догмам и авторитетам. До того времени образование в основном находилось в руках церкви. Новый национализм и здесь внес существенные перемены.

С целью вырастить новое поколение добродетельных и патриотичных граждан Французская революция создала первую в мире систему всеобщего образования. Образование стало рассматриваться как долг и главная задача нации. Считалось, что только всеобщее образование может обеспечить единство отечества и объединить граждан. Акценты были перемещены с изучения классики и гуманитарных наук на историю и патриотическое пение, а также (по крайней мере, в теории) на ручной труд и физическую культуру. В порыве обретенной национальной гордости народ хотел превратить свою столицу в центр

мирового искусства. В 1793 г. бывший королевский дворец Лувр был преобразован в первый в истории национальный музей. Искусства, прежде всего музыка, больше не должны были служить лишь личным удовольствиям или религиозным чувствам. Они должны были пробуждать национальные чувства. Людей воодушевляла знаменитая патриотическая песня „Марсельеза” в обработке для любимых массами медных духовых инструментов. Национальные праздники задумывались как мощные действия, в которых сам народ не просто участвовал, но играл главную роль. Фестивали и школы также способствовали распространению французского языка по всей территории страны, включая области, где прежде пользовались почти исключительно местными наречиями – в Бретонии и Фламандии, в Басконии и Эльзасе, в Каталонии и Провансе.

До революции в университетах Франции уделяли больше внимания латыни, нежели французскому языку, и классическим авторам – нежели французским писателям. Новый национализм изменил и это. Пожалуй, никто не выразил эти новые чувства лучше, чем Максимилиан Робеспьер (1758–1794 гг.) в „Отчете Национальному собранию о национальных празднествах” 18 февраля 1794 г.:

„Да, эта прекрасная земля, на которой мы обитаем, создана для того, чтобы стать домом свободы и счастья... О, мое отечество, если бы волею судьбы мне довелось родиться в чужой и далекой стране, я бы непрерывно молил небо о твоём процветании; меня трогали бы до слез повествования о твоих героях и твоих добродетелях; моя чуткая душа с неустанным восхищением следила бы за событиями твоей великой революции; я бы завидовал судьбе твоих граждан; я бы завидовал твоим представителям! Я француз, я один из твоих представителей!.. О, возвышенный народ! Прими в жертву все мое существо! Счастлив тот, кто родился в твоей гуще; и еще счастливее тот, кто может умереть за твое счастье”.

Новый национализм и война. Французская революция, вначале провозгласившая всеобщий мир, вовлекла Францию и Евро-

пу в войну, более продолжительную и разрушительную, чем все, происходившие со времени религиозных войн. В вихрях этой войны исчезали государства, создавались новые связи, впервые повсюду забушевали национальные страсти – от Ирландии до Сербии и России, от Испании и Италии до Норвегии. Войны Французской республики как никогда ранее взывали к национальному сознанию и единству народа. 25 сентября 1792 г. Жорж Жак Дантон (1759–1794 гг.) требовал:

„Франция должна стать нераздельным целым, она должна иметь единое представительство. Граждане Марселя должны соединить руки с гражданами Дюнкерка. Я требую смертной казни для кого бы то ни было, кто пожелает разрушить единство Франции, и предлагаю, чтобы Национальное собрание декретировало единство представительной и исполнительной власти как основу правления, которое намечается учредить. Не без трепета узнают австрийцы об этой священной гармонии; и тогда, клянусь вам, наши враги погибнут”.

Казалось, такая страсть приносит плоды: недавно созданные республиканские армии нанесли поражение своим противникам. На полях битв торжествовали не монархи, а нация. Победа повернула Францию от лояльного монархизма 1789 г. к республиканскому национализму 1793 г., от мирного духа Просвещения XVIII в. к агрессивному динамизму современного национализма.

За первыми победами последовали поражения, тем более опасные, что им сопутствовали внутренние восстания. Среди того меньшинства, которое правило Францией, это вызвало непреклонную решимость собрать все силы для победы в войне и безжалостно ликвидировать любую оппозицию и раскол внутри страны. Террор спас республику, но не способствовал укреплению духа компромисса, соглашения и уважения к свободе в рамках закона в нарождавшемся французском национализме. Робеспьер считал подлинными гражданами только „искренних и добродетельных патриотов”; прочих же следовало *заставить* быть истинными детьми отчизны. Жан Поль Марат

(1743—1793 гг.) декларировал, что Франция, которой угрожает возврат к деспотизму королей, должна утвердить деспотизм свободы. Лишь диктатура добродетельных людей, посвятивших себя без остатка интересам всей нации и выражающих подлинную общую волю, может спасти отечество. Любая оппозиция такому руководству равносильна измене нации. Все должно быть принесено в жертву отчизне. Вся нация должна быть мобилизована, война должна стать национальной во всех ее аспектах. „Когда отечество в опасности, — объявил Дантон 2 сентября 1792 г., — никто не может отказаться служить ему, или он будет объявлен бесчестным предателем. Подлежит смертной казни каждый гражданин, отказавшийся стать в строй, и кто прямо или косвенно противодействует мерам общественной безопасности”.

В XVIII в. в войнах участвовали небольшие военные силы и без особого напряжения. В 1793 г. Конвент поставил на службу нации все и вся, по крайней мере, в теории. Люди подлежали мобилизации, ремесленные изделия — реквизиции, писатели и деятели искусств должны были возбуждать народный энтузиазм. Эти усилия принесли плоды. Вторгнувшиеся во Францию армии были отброшены. Молодая французская нация была спасена. Но поскольку спасительницей была армия, она даже после того, как опасность миновала, осталась в национальном сознании как нечто выдающееся, чего не было в англоязычном мире. Французское национальное государство родилось в военной славе, какой страна не знала при самом могущественном из ее королей. „О, земля воителей! О, Франция! О, моя родина!” — обращался республиканский поэт к отчизне в 1797 г. Популярность армии способствовала восхождению к власти Наполеона Бонапарта (1769—1823 гг.).

Наполеон. Наполеон взывал к новому французскому национализму, но сам националистом не был. Он завершил создание централизованного национального государства с единой системой законов, бюрократией и системой образования, но сделал это в духе просвещенных деспотов XVIII в. Он был готов исползовать национальные устремления в той мере, в какой, по его представлениям, в этом нуждалась его система, не имея в действительности желания удовлетворять их. В определенной степени он поощрял национальные устремления Италии и Польши,

однако это было продиктовано сиюминутными интересами его империи и династии.

Наполеон претендовал не на национальное государство, и даже не на расширенное национальное государство, но на возрождение империй Цезаря и Карла Великого. Его орудием был не народ, воодушевленный патриотизмом нового типа, а мощь государства — механизм, созданный князьями эпохи Возрождения и усовершенствованный абсолютными монархами. Наполеон потерпел поражение не только вследствие своих непомерных амбиций; его победила новая сила, которую наполеоновские войны вызвали к жизни за пределами Франции и которую Наполеон не осознал — национализм европейских народов, особенно немцев. Эти народы — немцы, итальянцы, испанцы, русские — восприняли национализм не от Французской революции, дух 1789 г. едва коснулся их; они стали националистами благодаря Наполеону, но этот национализм привел не к личной свободе, а к упоению коллективной силой.

3. Национализм и традиция

В странах, которые образуют современный Запад, национализм, возникший в XVIII в., веке Просвещения, был в первую очередь политическим движением, направленным на ограничение власти правительства и обеспечение гражданских прав. Его целью было создание либерального и рационального сообщества граждан, представляющего средний класс, живущий в духе философии Джона Локка. В результате наполеоновских войн национализм проник в страны Центральной и Восточной Европы, в Испанию и Ирландию, где политическое мышление и структура общества были менее развиты, нежели на Западе. Средний класс был в этих странах слаб, нации были разделены на феодальную аристократию и сельский пролетариат. Здесь национализм вначале стал культурным движением, мечтой и надеждой ученых и поэтов. Этот поднимающийся национализм, как и общественное и интеллектуальное развитие вне Западной Европы, испытывал влияние Запада. Но само это влияние ранило гордость местных образованных кругов, в которых уже зародился собственный национализм; это вело к сопротивлению „чуждым”

примерам, прежде всего их либеральному и рациональному мировоззрению. В итоге новый национализм здесь искал свое оправдание и отличие от Запада в наследии прошлого. Нередко древние традиции превозносились как противовес западному Просвещению. Если британский и американский национализм был порожден концепцией личной свободы и представлял народы с четко оформившейся политической жизнью, национализм других народов, не укорененный в соответствующей политической и социальной действительности, не обладал уверенностью в своих силах. Комплекс неполноценности нередко компенсировался самовосхвалением. Германский, российский или индийский национализм — все представляли себя как нечто более глубокое, чем западный национализм, более сложное по проблематике и обладающее большим потенциалом. Для такого национализма характерно стремление к поискам внутреннего смысла, размышления о национальной „душе” или „миссии”, и об отношении к Западу.

Иоганн Готфрид Гердер. Национализм Запада основывался на концепции общества как производного политических факторов; в германском национализме юридическая и рационалистская концепция гражданства (по-немецки, *Burgerschaft*) сменилась гораздо более размытой концепцией „народа” (по-немецки, *Volk*), которая гораздо легче поддавалась прихотям воображения и возбуждала больше эмоций. Предполагалось, что корни народа уходят в почву отдаленного прошлого; он формируется не в ярком свете рациональных политических целей, а в процессе длительного неосознанного развития. Это был тот самый народ, который Руссо провозгласил подлинным воплощением доброго начала в природе. Гердер (1744—1803 гг.), немецкий ученик Руссо, развил теорию народной души или национального духа (*Volksgeist*) и его корней, развивающихся по длинной цепи национальных традиций от древних времен до наших дней.

Гердер рассматривал природу и историю в органическом развитии, как самопроявление Божественного начала в бесчисленных явлениях жизни, в бесконечном процессе творения, где внимание сосредоточено не на всеобщем, а на индивидуальном и неповторимом. Гердер первым стал исходить из того, что человеческая цивилизация живет не в универсальном, а в ее на-

циональных и особых проявлениях. Творческие силы универсального первоначально индивидуализируются, притом не в отдельном человеческом существе, а в коллективной личности человеческих сообществ. Люди — прежде всего члены национальных общин; только в этом качестве они могут быть подлинно творческими личностями. Они осуществляются через национальные языки и народные традиции. Народные песни и фольклор, пребывавшие до той поры в небрежении, Гердер рассматривал как величайшие проявления неиспорченного творческого духа.

Гердер не был националистом в современном смысле этого слова. Он не выдвигал требований создания национального государства или объединения народа. Для него национальность была концепцией не политической или биологической, а духовной и моральной. Политически он оставался просвещенным гуманистом и пацифистом. Родившись во владениях прусской короны, он неаювилел прусский милитаризм и охотно принял русское правление.* В 1769 г. он писал: „В землях прусского короля не будет счастья пока они разделены”, а обитателей их он охарактеризовал как „слишком невежественных и слишком верноподданных немцев”. Он ни в коей мере не был чрезмерно привержен всему немецкому. Для него каждая нация была проявлением Божественного, которое должно не разрушать, а культивировать. Он равно уважал все национальные языки. По Гердеру, каждый человек может быть самим собой, только мысля и творя на родном языке. Он был первым, кто провозгласил право на родной язык высшим правом народа, и это право он признавал и за теми языками, на которых в то время говорили лишь неграмотные крестьяне, и не принято было признавать ни достоинства этих языков, ни возможностей их будущего развития.

Гердер был глубоко убежден, что подлинный национализм способствует укреплению мира. Князья и государства, писал Гердер, могут из политических соображений или ради укрепления своей власти помнить о войне; народы могут думать только о мирном сосуществовании: „Они никогда не омоют руки в

* Когда жил в Риге в 1764—1769 гг. — Ред.

крови (по собственной воле), и даже если их вынудят проливать кровь, для них это будет как их собственная кровь". Он был убежден, что добродетельная и цивилизованная народная жизнь более свойственна миролюбивым славянским крестьянским народам, нежели германцам — гордому воинственному народу. Гердер предрекал славянам великое будущее, и его симпатии к славянским народам, языкам и народным обычаям была мощным стимулятором пробуждающегося национального сознания молодой славянской интеллигенции начала XIX в. Теория Гердера о культурно-национальной индивидуальности и ее правах, его высокая оценка роли народных традиций и обычаев глубоко повлияли на националистическую мысль в странах Центральной и Восточной Европы.

Война за национальное освобождение. В XVIII в. интеллектуальная жизнь в Германии, Италии, России, как и во всей Европе, находилась под влиянием французского Просвещения. Рационалистические и универсалистские идеи стали общепринятыми, а французский язык был всеобщим языком европейского образованного общества. Национализм Французской революции и наполеоновские войны изменили положение. Французские победы и французское господство не только пробудили стремление к построению собственных национальных государств по французскому образцу, они привлекли внимание и к французским идеям. Новый национализм в народ не проник, он остался уделом интеллектуалов, да и то не всех. Многие видели в Наполеоне не ненавистного завоевателя, а великого человека, преобразователя, и восхваляли его в прозе и в стихах. Однако в результате продолжительных войн и гипертрофированного французского национализма, национальные чувства повсюду набирали силу и впервые достигли высшей точки в русской Отечественной войне 1812 г., чрезвычайно повысившей самоуважение русских, победивших Наполеона, а также в германской „освободительной войне” 1813 г., приведшей к „битве народов” при Лейпциге в октябре 1813 г. и к вступлению прусских и австрийских войск в Париж в следующем году.

В Италии и Германии Наполеон косвенно способствовал росту национализма уничтожением множества пережитков Средневековья и созданием основ современной системы уп-

равления. Его творением было первое в Италии королевство, а французский маршал Иоахим Мюрат (1767—1815 гг.), который в 1808 г. стал по назначению Наполеона неаполитанским королем, в 1814 г., когда звезда Наполеона клонилась к закату, выступил за единство Италии. Но народная поддержка национальных чаяний была слабой. Пока еще патриотизм был ограничен узким кругом поэтов и писателей. Самыми известными были Витторио Альфьери (1749—1803 гг.) в сборнике „Мизогалл”, яростно атаковавший французов за дерзостное стремление главенствовать над другими народами в деле цивилизации и свободы, тогда как история и природа отдают здесь пальму первенства итальянцам, и Уго Фосколо (1778—1827 гг.), который в оде „Гробницы” призывал могучие призраки прошлого Италии восстать из гроба и вновь выйти на битву за родину. После возвращения австрийцев в Италию в 1814 г. Фосколо как убежденный патриот ушел в изгнание, сначала в Швейцарию, а затем в Англию — тем же путем, которым прошел двадцатью годами позже его младший соотечественник Мадзини.

От либерального космополитизма и дружелюбного отношения к Франции повернул к национализму, противостоящему Франции и опирающемуся на традиции, русский писатель и историк Николай Карамзин (1765—1826 гг.). В молодости он был страстным франкофилом; позднее он написал „Историю государства Российского”, которая приобрела широкую популярность и вызвала огромную гордость российским прошлым и древними установлениями страны, прославлявшимися Карамзиным. По Карамзину, существование каждого внутренне связано с отечеством; благородные чувства, которые привязывают нас к нему, суть часть любви к самим себе. Общая история украшает мир в наших умах; история России украшает отечество — центр нашего существования и нашего восхищения. В 1812 г. Карамзин писал, что он бы желал, чтобы русские его времени, подобно предкам, были убеждены, что православный россиянин — самый совершенный гражданин на земле, и Святая Русь — первое государство. В борьбе против Наполеона, считавшего себя наследником Карла Великого и Цезаря, русские видели своего императора всепреемником римских императоров Константинополя, а Святую Русь — подлинной наследницей хрис-

тианской Римской империи. В воображении русского народа 1812 г. Наполеон предстал антихристом, ведущим призраки еретического Запада на Москву — оплот истинной веры.

Немецкий романтизм. Связь между национализмом и традицией получила наиболее сильное выражение в немецком романтизме. Романтизм как эстетическая революция был движением европейским, убежищем для воображения, которое создало поэзию, эмоционально более глубокую и мощную по воздействию, чем поэзия XVIII в. Однако германский романтизм, творчески бедный, желал быть больше, чем поэзией: он был истолкованием истории и общества, а также человеческой жизни вообще. Эти темы мобилизовали восхищение прошлым на борьбу с идеями 1789 г. Начав как крайние индивидуалисты, немецкие романтики пришли к противоположному — к подлинно гармонической, органичной народной общине, которая включает отдельную личность в неразрывную цепь традиций. Такая идеальная община-народ, по представлениям романтиков, существовала в немецком Средневековьи. Они публиковали средневековые саги и поэмы, народные песни и сказки и восхищались ими. Средневековые замки предстали в их воображении памятниками ушедшей национальной славы и красоты. Даже природа становится атрибутом национального — немецкие леса и немецкие реки, особенно Рейн, который представлялся Фридриху Шлегелю (1772—1829 гг.) „абсолютно верным символом нашего отечества, нашей истории и нашего характера”.

Оптимистической идеализации будущего, столь характерной для века Просвещения, романтики противопоставляли подобную же идеализацию национального прошлого. Адам Мюллер (1779—1829 гг.), политический философ немецкого романтизма, восхищался Эдмундом Берком и провозглашал, что британский политик XVIII в. скорее принадлежит немцам, чем британцам, которые, по мнению Мюллера, никогда не понимали его до конца. Однако у немецких романтиков не было ничего от практической мудрости Берка, от его уважения к свободе личности и конституционным правам. Для них национальное, или народное, государство не было общественной организацией, основанной на человеческих законах и имеющей целью обеспечение свободы, безопасности и счастья человека, а органической

личностью, Божьим созданием, как и сама личность, лишь бесконечно большим и могучим, источником жизни личности. Хотя великий немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770—1831 гг.) был не романтиком, а рационалистом, его концепция государства отражала идеи романтиков. Для него Государство было Божественной Идеей в ее земном воплощении.

Ранний немецкий национализм. В ходе войн против Наполеона романтизм во многом повлиял на характер нарождающегося немецкого национализма. Величайшие умы Германии предшествующего периода были в оппозиции национализму. Философ Иммануил Кант (1724—1804 гг.) был представителем либерального, индивидуалистического и космополитического Просвещения. Оба величайших немецких поэта Иоганн Вольфганг Гете (1749—1832 гг.) и Фридрих Шиллер (1759—1805 гг.) обращались как к источнику возрождения не к средневековому народу-общине, а к индивидуализму античной Германии. Всю свою жизнь, даже во время войн против Наполеона, Гете выражал глубокое восхищение французским языком и французской цивилизацией. „В мрачных старогерманских временах для нас можно найти столь же мало, как в сербских народных песнях или в прочей примитивной народной поэзии, — говорил престарелый Гете своему секретарю Эккерману. — Ее, конечно, какое-то время читают, а какое-то время ею интересуются, но только для того, чтобы отложить ее в сторону. Над человечеством уже нависла слишком густая тень его собственных страстей и собственной судьбы, чтобы оно нуждалось в еще большей мрачности, происходящей от мыслей о безрадостных временах примитивности и варварства. Человечеству нужны ясность и спокойствие, ему нужно обращаться к тем эпохам в искусстве и литературе, когда высшие человеческие личности достигали совершенства в культуре, а затем, достигнув примирения с самими собой, могли излить благословения культуры на других”.

Гете видел в Наполеоне великое человеческое явление, которое воплощает дух исторического развития, прорывающий все этнические и национальные границы. Но его современник немецкий философ Иоганн Готлиб Фихте (1762—1814 гг.), как и большинство немецких националистов, видел в прусском го-

сударстве оплот культуры и организованной свободы. Когда Пруссия в 1806 г. была разгромлена, Фихте в „Обращении к германской нации”, прочитанном в Берлине зимой 1807—1808 г. призвал немцев не только к национальному возрождению, но и к мировому лидерству в области культуры. По языку, мышлению и истории оно уготовано именно немцам. Из цивилизованных народов Европы, доказывал Фихте, только немцы говорят на оригинальном языке, в то время как французы, англичане, испанцы, итальянцы, будучи, хотя бы отчасти, народами немецкого происхождения, обесмыслили свою интеллектуальную жизнь, используя чуждый им производный язык. Фихте был убежден, что из всех современных наций только немцы способны достигнуть высшего совершенства. Поэтому они должны сопротивляться Наполеону, подобно тому как их предки сопротивлялись господству римлян. Если немцы покорятся французам, это будет означать крушение лучших надежд человечества и его культуры.

Сходную позицию занимал Эрнст Мориц Арндт (1769—1860 гг.), который тоже считал, что немцы превзошли другие народы в сохранении расовой чистоты и в чистоте языка. Гердер верил в равноправие всех национальных языков. Однако новые немецкие националисты провозглашали превосходство их языка над латинским и славянским языками. Арндт особое внимание обращал на язык как фактор формирования нации; все германоязычные народы должны объединиться в общем отечестве. Он был одним из наиболее влиятельных пропагандистов национального восстания немцев против французов. Столь же велико было влияние Фридриха Людвиг Яна (1778—1852 гг.) или, как его называли повсюду, „Патера Яна”. Он был автором книги „Германская народность” (1810 г.), в которой прославлялась самобытность немецкого народа — божественной творческой силы. Ян оказал огромное влияние на три движения, ставших характерными для националистических течений Центральной и Восточной Европы, а затем распространившихся и на Азию: военные формирования патриотов-добровольцев, гимнастические объединения для тренировки бойцов-патриотов и студенческие союзы, проникнутые националистическим восторгом. Все эти три вида формирований переполнял революционный

активизм. Возникшие в ответ на эмоциональные призывы и подчеркивающие свое дисциплинированное служение нации, они странным образом отождествляли все это с понятием „свобода”, которое в таком толковании имело мало общего с западной концепцией свободы личности.

В 1813 г. в войне против Наполеона участвовали армии России, Пруссии и Австрии. Тогда еще не существовало общегерманского политического образования. Единственной „германской” силой, участвовавшей в той войне, была группа патриотов-добровольцев в черных мундирах под командованием Адольфа Фрейгерра фон Лютцова. Многие из них состояли членами гимнастического клуба „Турнершафт”, который Ян основал в Берлине в 1810 г. Такие гимнастические объединения, которые позднее переняли другие народы (у чехов и других славянских народов они получили название „Соколы”), имели целью не только физическое воспитание, идеалы „честной игры” или принцип „благородного проигрыша”. Они готовились к достижению националистических целей и служили им, проходя военную подготовку, соблюдая дисциплину, единство. Это была потенциальная армия, готовящаяся к нетерпеливо ожидаемой битве с врагом. Тот же дух воодушевлял студенческие братства („буршеншафтен”), впервые основанные в Йенском университете в 1815 г. Они приняли черный, красный и золотой как цвета германского единства. Эти молодежные формирования должны были подготовить национальное объединение и независимость будущего национального государства. Ян неустанно призывал немцев оберегать свое мышление, традиции и характер от чуждых влияний. Он был убежден, что герой, который с фанатизмом и страстью объединит нацию и сделает ее могучей, заслужит поклонение народа как спаситель и ему будут прощены все прегрешения, ибо ничто не должно стоять на пути к великой цели — созданию национального государства.

4. Национализм и революция

Разочарование посленаполеоновской эпохи. Поражения Наполеона в 1814—1815 гг. не привели к осуществлению желаний и стремлений националистической молодежи. Во Франции,

утратившей имперскую славу, многие националисты с горечью восприняли возвращение территории страны к границам 1790 г., и видели в поражении Наполеона при Ватерлоо национальное унижение. Венский конгресс лишь отчасти удовлетворил национальные чаяния немцев и поляков и ничего не дал итальянцам. Между тем в Германии до 1806 г. существовала Священная Римская империя германской нации, а Польша обладала национальной самостоятельностью вплоть до 1795 г. Но в Италии подобного объединения до тех пор никогда не существовало. В 1815 г. немецкие государства были объединены в конфедерацию под названием Германский союз („Бунд“) со слабыми внутренними связями, а большая часть Польши была провозглашена автономным царством с определенными национальными правами в рамках Российской империи. Бывшие австрийские Нидерланды и Голландия были объединены в Нидерландское королевство; Норвегия, ранее составлявшая часть Дании, была объединена со Швецией, но имела собственную конституцию. В целом, однако, территориальное устройство 1815 г. имело мало общего с новыми националистическими устремлениями. После четверти века непрерывных войн и перемен венские миротворцы прежде всего стремились к миру и порядку. Священный союз под руководством императоров России и Австрии, а также прусского короля — главных победителей Наполеона, был призван обеспечить спокойствие в Европе в духе христианской морали и братской солидарности.

Население в целом не так уж возражало против консервативного порядка после многих лет насилия и волнений. Однако молодежь и интеллектуальные круги, возбужденные ожиданиями, которые породила Французская революция, а затем дерзостью Наполеона и страстной эмоциональностью романтизма, противились негероическому спокойствию периода Реставрации, провозглашенной на Венском конгрессе, ненавистными символами которой стали Священный союз и его идеолог — канцлер Австрии князь Меттерних. Патриоты, как они называли себя по примеру начального периода Французской революции, в общей враждебности к Священному союзу императоров чувствовали свою общность, несмотря на национальные различия. Их национализм подчеркивал сотрудничество народов против монархов

и стремление к либеральной конституции, которая должна ограничить абсолютизм правителей. Против Священного союза князья провозглашались Священный союз народов. Патриоты каждого народа демонстрировали активное сочувствие патриотам других народов, восстававших против порядков, установленных Венским конгрессом. В ту эпоху, когда в Европе почти нигде, кроме Англии, не существовало свободного общественного мнения и конституционной политической жизни, патриоты создавали тайные общества в надежде, что заговоры и мятежи помогут им достигнуть цели.

Значительные успехи исторической науки в первой половине XIX в. во многом способствовали развитию нового национализма в образованных слоях общества. Повсюду были заняты сбором и публикацией документов прошлого; появился интерес к собственной истории, которая становилась новым источником гордости своим народом. В Германии великий патриот барон Генрих Фридрих Карл Штейн (1757—1831 гг.) начал публикацию серии памятников средневековой истории страны. На каждом опубликованном томе была вытеснена латинская надпись „Нас вдохновляет священная любовь к отчизне“. Подобные публикации предпринимали и в других странах, в том числе и в утративших политическую самостоятельность. Здесь следует назвать чешского историка Франтишека Палацкого (1798—1876 гг.), который по-новому осветил и придал новый смысл почти утраченной исторической памяти своего народа. Увлечение прошлым весьма помогло успеху первого национального восстания той эпохи — греческому восстанию 1821 г. Вся Европа следила за ходом восстания с большой симпатией, ибо греки были потомками Гомера и Праксителя, Эсхила и Сократа, Платона и Демосфена, и независимость Греции знаменовала возрождение древней славы. Огромные надежды, вызванные войной за независимость Греции, были проявлением странного союза историзма и национализма, веры в легендарную непрерывность кровного родства и в мистическое выживание национального гения в течение многих столетий.

Мадзини. Первый пик революционных волнений пришелся на июль 1830 г., когда в Париже была свергнута монархия Бурбонов и Луи-Филипп вззошел на французский престол как „ко-

роль-гражданин". Пример Франции вызвал краткие революционные вспышки в Италии, Германии и Польше. Все они потерпели печальную неудачу, потому что народ нигде не поддержал их. Лишь в Бельгии революция победила. 25 августа в столице Бельгии Брюсселе студенты слушали популярную тогда оперу Д. Обера „Немая из Портичи”, в которой прославлялось восстание неополитанцев против испанского владычества в 1647 г. Возбужденные дуэтом „О, священная любовь к отчизне”, студенты вышли на манифестацию, которая стимулировала целый ряд событий, приведших к признанию независимости Бельгии европейскими державами 14 октября 1831 г. В целом революция 1830 г. в Западной Европе прошла успешно. Законы Англии, Франции и Бельгии стали более либеральными, средние классы добились большего влияния, историческое развитие, начавшееся в 1688 и 1789 гг., получило продолжение. Однако в Центральной и Восточной Европе старый порядок остался нерушимым в 1830 г. Восстания были быстро подавлены. Из Италии, Польши и Германии в Швейцарию и Англию устремились потоки беженцев. Среди них был итальянец Джузеппе Мадзини (1805–1872 гг.).

Идеи Мадзини были типичными для национализма того времени. Он становится неустанным проповедником националистской мысли и действий. Столкнувшись с инертностью народа и с малодушием средних классов, Мадзини воззвал к энергичному руководству „Молодой Италии”. „Секрет возбуждения масс, — писал он, — находится в руках тех, кто проявит готовность воевать и завоевывать, став во главе масс”. Он призывал молодежь и народ пожертвовать всем во имя создания объединенной, сильной, централизованной нации. Он даже высказывал убеждение, что подлинное искусство может процветать только у такой нации. Он забыл, что великое искусство расцвело в Италии Средних веков и эпохи Возрождения, когда итальянского государства не существовало, и это искусство вдохновляло человечество, когда еще не было никаких националистических устремлений. Как и многие националисты, Мадзини в своем увлечении допускал неверное прочтение истории. Столь же неверное прочтение допустил он, восхваляя итальянскую революцию, которая, как он полагал, пойдет дальше Французской революции, к которой он относился отрицательно. Французская

революция провозглашала свободы и разрушила старый мир; на его руинах должна подняться новая вера, которая заполнит пустоту, оставленную Французской революцией. Мадзини был убежден, что только итальянцы могут принести положительное послание новому веку и установить единство, которое Рим уже дважды приносил человечеству — в эпоху цезарей и в эпоху пап. Третий, еще более великий Рим — Рим народа — принесет Европе руководство и единство более прочное, чем это могли сделать Рим античной эпохи и Рим средних веков. „Ныне над нашей Италией встает заря новой миссии, — писал Мадзини в 1858 г., — еще более величественной, чем миссия прошлого, ибо итальянский народ в свободной и объединенной стране будет более великим и могучим, чем цезари и папы”.

Молодая Европа. В 1831 г. Мадзини основал движение „Молодая Италия”. Будучи эмигрантом в Швейцарии, он вдохнул подобные же движения немецких и польских эмигрантов и пытался вместе с ними создать объединение „Молодая Европа”. Эти тайные революционные организации не стали подлинными провозвестниками революции. Однако Мадзини сказал новое слово и выдвинул идею, которая отозвалась во всех националистических движениях XIX в., вплоть до движения младотурок и младокитайцев. Мадзини верил в истинное товарищество всех молодых национальных движений. Период между 1830 и 1848 гг. был временем пробудившихся надежд и бурного оптимизма. Мадзини, следуя традициям Руссо и Гердера, верил в добродетель народов, тогда как правительства и государства представлялись ему воплощением разврата. Эти убеждения разделял французский историк Жюль Мишле (1798–1874 гг.), написавший вышедшую в 1846 г. книгу „Народ”, воплотившую патриотизм и мессианские страсти того времени. Подобно Мадзини, Мишле верил, что народ — это воплощение нации, и что народы, освободившиеся от деспотизма правителей, создадут мирный европейский союз. Мишле был другом и единомышленником польского поэта Адама Мицкевича (1798–1855 гг.), который жил тогда в эмиграции в Париже. После поражения восстания 1831 г., в котором он не участвовал, великий поэт стал вождем польского национализма. Своей мессианской страстью Мицкевич и его соотечественники — поэты-эмигранты

поддерживали дух поляков в годы поражения и отчаяния. В мессианском истолковании польское мученичество обрело смысл. Польша была провозглашена Христом народов: безвинно распятая, она воскреснет вновь, и ее освобождение станет освобождением всего человечества от угнетения и войн.

Мицкевич, Мадзини и Мишле, как и вся „Молодая Европа”, будучи националистами, были демократами. Они сознавали, что пробуждение наций требует активного участия народа. В промышленных странах Европы той эпохи призывы к рабочему классу нередко имели националистический оттенок: они взывали к патристическим чувствам и зачастую повторяли лозунги парижан 1792—1793 гг. В Центральной и Восточной Европе главной проблемой, стоящей перед патристами, было освобождение крестьян. Польское национальное дело потерпело поражение в основном из-за апатии крестьянских масс и их недоверия к повстанцам-шляхтичам. Польские демократы, среди которых самым известным был историк Исаак Лелевель (1786—1861 гг.), настаивали на необходимости народного образования и на равенстве всех классов. Однако Лелевель, который был учителем Мицкевича в Виленском университете, подобно многим соотечественникам, провел в изгнании последние тридцать лет жизни и не мог влиять на происходящее на родине. Больших успехов добился датский пастор и поэт Николай Северин Фридерик Грюндтвиг (1783—1872 гг.), горячий патриот, создававший в Дании народные школы для крестьян; в этих школах поэзия и история составляли важную часть обучения.

В Ирландии XIX в. крестьянский вопрос решался политическими мерами (в 1829 г. право голоса получили все католики Великобритании и Ирландии), а также социальными и экономическими — посредством земельной реформы, которую проводили все британские правительства после „Ирландского земельного закона” 1870 г., принятого при Гладстоне. Однако чаяния ирландцев шли дальше. Под руководством Денизла О’Коннела (1775—1874 гг.) началась агитация за отмену союза 1800 г. между Великобританией и Ирландией и за восстановление ирландского парламента. Еще более радикальные идеи выдвинуло общество „Молодая Ирландия”, основанное в 1842 г. в Дублине еженедельник „Нация”. Члены „Молодой Ирландии”

пошли даже дальше, чем позволяли католические рамки агитации О’Коннела. Они обращались ко всем жителям Ирландии — католикам и протестантам, кельтам, норманнам и саксам.

„Молодая Ирландия” прославляла великое прошлое страны, которая в раннем средневековьи была центром, откуда просвещение и христианство распространялись в другие районы Европы. В „Молодую Ирландию” входил поэт Томас Осборн Дэвис (1814—1845 гг.) — протестант, который в своих стихах прославлял, среди прочих, короля Дати — последнего ирландского монарха-язычника, совершавшего завоевания на европейском континенте и даже вторгшегося во владения римлян.

Революционное возмущение эпохи распространилось на испанскую Америку. Под влиянием американской и французской революций на борьбу за национальную независимость испанских колоний поднялось креольское население и американцы испанского происхождения, которые считали, что к ним относятся как к гражданам второго сорта по сравнению с испанцами, присылавшимися из метрополии на все важные посты. Восстанием руководили венесуэлец Симон Боливар (1783—1830 гг.) и аргентинец Хосе Сан-Мартин (1778—1850 гг.). В 1823 г. испанское правление было ликвидировано. Испания весьма мало подготовила своих американских подданных (как, впрочем, и граждан самой Испании) к самоуправлению и демократии. Иберо-американцы преуспели в XIX в. в преодолении политической и социальной отсталости так же мало, как и сами испанцы. И в самой Испании, и в испанской Америке не укоренились принципы демократии и федерализма, введенные в англоязычной Америке — в США и в Канаде. В большинстве испано-американских республик анархия и диктатура сменяли друг друга. Военные вожди — *каудильос* нередко захватывали власть и удерживали ее надолго. Лишь бывшая португальская колония Бразилия в правление монарха Педро II (1840—1889) получила более упорядоченное и стабильное руководство. В большинстве случаев местное индейское население осталось вне новых наций. Только в XX в. были предприняты усилия (в основном в Мексике) интегрировать индейцев со всем народом, оживить их древнюю народную культуру, изучить историю индейцев и их

традиции, осуществить синтез американской и испанской цивилизаций.

Национальные движения в Центральной и Восточной Европе.

В 1815 г. в Центральной и Восточной Европе правили три монарха, объединившиеся в Священный Союз, а также оттоманские (турецкие) султаны. Великороссы, немцы и турки были тремя господствующими нациями над всей этой огромной территорией, населенной множеством разнообразных этнических групп. Между этими группами не было ничего общего, кроме отсутствия национальной государственности; они относились к различным расовым, религиозным и лингвистическим семьям. Наиболее многочисленной лингвистической группой были славяне, среди которых великороссы были единственной независимой нацией. Русские исповедовали православие, подобно сербам и болгарам, жившим на Балканском полуострове под властью турок. Поляки, принадлежавшие к римско-католической церкви и в XVIII в. сформировавшие мощное образование, которое включало многие неполяские народы, — литовцев, украинцев, белорусов — жили на землях, часть которых в 1815 г. находилась под властью российского императора, а часть — под властью прусского короля и австрийского императора. Австрийский император правил также принадлежавшими к римско-католической церкви чехами в Богемии и Моравии, словаками — в северо-западной Венгрии, хорватами и словенами, жившими в южной части его империи и этнически близкими к сербам. Славяне — украинцы и белорусы, принадлежавшие к греческой православной церкви и к греко-католической униатской церкви, по большей части находились под властью великороссов. Земли украинцев в Новое время из-за своего географического положения не раз становились полем битв, которыми решались имперские конфликты русских и поляков, хотя украинцы — народ, по численности уступающий среди славян только самим великороссам.

Славяне, составлявшие большинство населения на территориях между Германией и Италией, смешались с другими народностями, жившими на этих территориях, в результате чего этническая карта Центральной и Восточной Европы сделалась еще более пестрой. На побережье Балтийского моря жили лю-

теране — финны, эстонцы и латыши, а также литовцы — римские католики. На просторах Российской империи жили различные народы, в основном угрофинского или татарского происхождения, которые были поглощены империей в ходе ее экспансии, но не ассимилировались. На Венгерской равнине по среднему течению Дуная жили мадьяры (венгры), принадлежавшие к римско-католической церкви, а к северу от устья Дуная — румыны, принадлежавшие к греческой православной церкви, которые сохраняли диалект латинского языка с тех времен, когда древние римляне учредили на их землях провинцию Дакия. В южной части Балканского полуострова и в Малой Азии жили греки, культура и религия которых доминировали среди славян и румын полуострова, политически управлявшихся султаном из Константинополя, но в общественном и духовном отношении — греческим константинопольским патриархом. Кроме того, на западе Балкан жили албанцы — частью мусульмане, а частью принадлежавшие к греческой православной и римско-католической церквям.

Столетие, разделявшее 1815 и 1918 г., было заполнено борьбой некоторых этих народов за национальную независимость. К 1918 г. русская, австрийская, прусская и оттоманская правящие династии лишились власти. Однако по всей территории их империй, исключая балтийские народы, создание независимых и политически удовлетворенных своим положением национальных государств западного типа натолкнулось на непреодолимые трудности. В большинстве случаев оказалось невозможным провести четкие этнические границы. Возникла чересполосица расовых, языковых и религиозных групп, что препятствовало приемлемости сложившегося положения для всех заинтересованных сторон.

Столкновение „исторических” прав народов оказалось еще более опасным для дела мира, нежели конфликт их „естественных” прав. Каждый народ требовал расширения своей территории до границ в период его наибольшей экспансии, которые вовсе не соответствовали историческим и этническим переменам, происшедшим в истекшие века. Некоторые территории в разные исторические эпохи входили в сферу влияния различных народов, и теперь каждый из этих народов предъяв-

лял требования на эти территории. Такого типа национализм не вел, как того ожидали Мадзини и „Молодая Европа”, к братскому единению соседних наций и к международному миру. Пробуждение народов высвободило коллективные страсти, ставшие в столетие после 1848 г. основной причиной ненависти и подстрекательства к войнам. Проблемы многонациональных империй мог бы решить демократический федерализм, однако для этого требовалось предпочтение упорядочения системы правления путем компромиссов, по аналогии с тем, как это происходило в англоязычном мире. Однако на европейском континенте этот способ удалось успешно применить лишь в Швейцарии, где после краткой гражданской войны осенью 1847 г. был установлен демократический федерализм, что обеспечило мирное и свободное развитие этнических групп, говоривших по-немецки, по-французски и по-итальянски и имевших весьма отличающиеся традиции и религию. В течение последних ста лет народы, говорящие по-немецки, по-французски и по-итальянски за пределами Швейцарии, вели друг с другом ожесточенные войны и жертвовали свободой во имя национальных требований. Британский либеральный католик XIX в. лорд Эктон предвидел опасность такого развития. Нигде эта опасность не ощущалась так остро, как в Восточной и Центральной Европе после победы национальных революций.

Успех этих революций был подготовлен усилиями деятелей культуры — ученых и поэтов. Под влиянием Гердера они сосредоточились на создании литературы на местных языках и на изучении фольклорных традиций. До начала XIX в. образованные классы говорили по-французски, по-немецки и на латыни. В XIX в. молодое поколение принялось писать грамматики и составлять словари родных языков, переводить на них иностранные сочинения, собирать народные песни, исследовать памятники национальной культуры, изучать исторические хроники и архивы. И все это не ради самого исследования, а к „вещей славе нации”, для возглашения славы собственного народа, для доказательства его равенства с соседними народами, более развитыми нациями, а то и превосходства над ними. Словак Ян Коллар (1794—1852 гг.), лютеранский священник и поэт, в цикле сонетов „Дочь Славы” (1824 г.) сетовал на падение сла-

вянской мощи, призывал к единству славянских народов и предрекал им великое будущее — заселение огромных территорий от Эльбы до Тихого океана, от арктических морей до Средиземного моря. Чех Франтишек Палацкий вспоминал гуситские войны XV в., когда чехи были первыми борцами за дело Реформации, а Карел Гавличек (1821—1856 гг.) посвятил свой талант журналиста и критика демократическому воспитанию соотечественников.

Под влиянием наполеоновских войн национальные чувства пробуждались и у южных славян — сербов, хорватов и словен. Часть сербов пребывала под властью православных епископов-князей, сохраняя независимость от турок в недоступных горах Черногории (Монтегро); в 1815 г. сербы, жившие в долине Моравы, восстали против турок, и в 1830 г. создали свое независимое княжество. Сербы, жившие под владычеством Османской империи, в культурном отношении были значительно более отсталыми, чем сербы и другие южные славяне, жившие на территориях империи Габсбургов. Среди этих последних хорваты и словены на короткое время были включены Наполеоном в его империю; следуя своему обычаю, Наполеон назвал новые провинции древнеримским именем Иллирия. В итоге националисты из южных славян стали именовать себя иллирийцами. Их ведущим публицистом был Людевит Гай (1809—1872 гг.), а самым крупным исследователем — Вук Караджич (1787—1864 гг.), который оказал решающее влияние на формирование общего литературного языка хорватов и сербов и на собиранье их народных песен. Иллирийский национализм вскоре уступил дорогу нередко враждовавшим между собой национальным движениям сербов, хорватов и словен, однако у славян этого района сохранилось чувство общности, *югославского* родства этих трех народов.

Румынами, населявшими автономные княжества Турецкой империи, Молдавию и Валахию, управляли православные князья греческого происхождения, назначавшиеся султаном; румыны, или валахи, как их нередко называли, населяли также Трансильванию — область Венгрии, где они жили вперемежку с венгерскими и немецкими поселенцами, не пользуясь, однако, никакими правами и привилегиями, которыми располагали только эти два

народа. Однако именно в Трансильвании началось национальное и культурное пробуждение румын. В XVIII в. все румыны принадлежали к греческой православной церкви, использовали кириллицу и старославянское письмо и почти не сознавали романского происхождения своего языка. В 1700 г. в трансильванском городе Альба Юлия — бывшей древнеримской колонии, румынские священники присоединились к Риму и создали румынскую униатскую церковь. Под ее влиянием Самуил Кляйн (1745—1806 гг.) ввел латинский алфавит и установил романское происхождение родного языка. Провозглашение романского происхождения внушило румынскому народу чувство превосходства над венграми, славянами, турками и греками. Они почувствовали себя форпостом имперской латинской цивилизации на Востоке. Учитель Георг Азар (1779—1823 гг.) перенес этот латинский дух из Трансильвании в Валахию. В результате новый национальный дух преодолел греческое влияние, и с 1822 г. в качестве турецких губернаторов здесь стали назначать местных князей. Культурные и исторические изыскания, начавшиеся в XVIII в. в Альба Юлии, заложили основы румынского национализма; в свою очередь, этот национализм в 1918 г. способствовал объединению бывших турецких княжеств с Трансильванией. Эта церемония была проведена в Альба Юлии.

Национальное движение и литература Украины зародились в 1848 г. В Киеве — исторической столице Украины, входившей тогда в Российскую Империю, поэт Тарас Шевченко (1814—1861 гг.) сотрудничал с Кирилло-Мефодиевским братством. Русское правительство прекратило деятельность братства, арестовал и сослал Шевченко в 1847 г. Успешнее оказалось украинское национальное движение в австрийской провинции Галиция, где во Львовском университете была создана кафедра украинского языка и литературы и появилась возможность книгопечатания на украинском языке.

В то время как националистическая деятельность чехов, хорватов, румын и украинцев до 1848 г. была в основном ограничена областью культуры, мадьяры Венгрии обратились к преобразованию древнего многонационального королевства в национальное государство. Из-за сложностей этнического и лингвистического характера, официальным языком королевства

ранее была провозглашена латынь. В 1833 г. по постановлению венгерского сейма официальным языком стал венгерский и начался процесс мадьяризации управления, хотя это вызвало глубокое недовольство других народностей — словаков, хорватов, сербов и румын. Значительный прогресс произошел в развитии венгерской литературы. Мадьярские националисты, выступившие под руководством Лайоша Кошута (1802—1894 гг.), редактировавшего прогрессивную газету „Пешти Хирлап“, требовали конституционных реформ, введения либерального законодательства и национальной независимости для Венгрии, не принимая, впрочем, во внимание таких же требований националистов невенгерских народов. Взывая к совести либеральной Европы в вопросах национальных прав и против господства Габсбургов, венгры в то же время ни в коей мере не собирались применить те же критерии к другим народам. В этом смысле „освобождение“ венгров означало „угнетение“ невенгерских народов в тех территориальных пределах, которые венгры считали историческими границами средневекового королевства Венгрии. Но не только в Венгрии произошло столкновение националистических чаяний разных народов. Именно эти столкновения привели к поражению революции 1848 г. в Центральной Европе.

Весна народов. Сигнал к революции прозвучал из Парижа, где 24 февраля 1848 г. была провозглашена Вторая республика. В следующем месяце революционные выступления произошли в Берлине и в Вене, в Праге и в Будапеште, в Милане и в Венеции. Немецкие, итальянские, славянские и венгерские националисты в Центральной Европе от Северного до Средиземного моря приветствовали зарю нового дня. Долгая зима Священного союза закончилась, режим Меттерниха отринут, созывались национальные парламенты, и народы выступали как неодолимая сила — пришла их весна. Однако обещания и надежды этой весны вскоре завершились горьким разочарованием. Год 1848-й приветствовали как продолжение 1789 г. Провозглашение республики во Франции было воспринято Европой как исполнение вековых надежд, как послание, обращенное ко всем народам, и как гарантия мира для человечества. Однако в новом веке, начавшемся на континенте Европы в 1848 г., сложился мир не гармонии и братства, а вражды и насилия. Вскоре новый нацио-

нализм поставил коллективную мощь и единство выше свободы личности: он обнаружил тенденцию предпочитать независимость от внешнего мира свободам внутри страны. Ни одно новое националистическое движение не могло удержаться от искушения, как только представлялась такая возможность, установить господство над этнически спорными территориями и народами. В середине XIX в. национализм сменил либеральный гуманизм на агрессивную исключительность, принцип достоинства личности — на принцип национальной мощи, принцип ограничения власти и недоверия к правительству — на преклонение перед ним.

Во Франции республика была свергнута не прежними монархистами и аристократами, а Луи Наполеоном, который на свободных выборах получил беспорную народную поддержку. Большинство голосовало за него, поскольку он выступил за национализм и социальный прогресс. Он был кандидатом тех, кто скорбел по поводу мирной, но „антинациональной” политики Луи Филиппа, кто тосковал по славе победоносных армий 1793 г., мечтая о воскрешении Наполеона и отмщении за Ватерлоо и за договоры 1815 г. Наполеон I, будучи узником на острове Святой Елены, выразил понимание националистических движений и дал им верную оценку. Его племянник Луи Наполеон III в молодости участвовал в националистических выступлениях в Италии. После создания Второй империи он во все годы своего правления показал себя сторонником революционных принципов национализма. Но в самой Франции в 1848 г. не нужно было решать национальных проблем. Франция стала нацией в 1789 г. Однако в Центральной Европе положение было иным. Здесь 1848 год обозначил пробуждение народов и их первое ожесточенное столкновение.

В начале 1848 г. поляки и немцы братались на улицах Берлина, а чехи и немцы — на улицах Праги. Но с развитием революции стало ясно, что в Центральной Европе она стремится не столько к свободе человека и братству, сколько к национальному разделению. Личные свободы и конституционные гарантии были принесены в жертву национальным чаяниям. Революционные страсти скорее были направлены на национальные цели, нежели на достижение свободы. Там, где эти два направления сталкивались, национализм одерживал верх. Первый свободно

избранный германский парламент, созданный в мае 1848 г. во Франкфурте-на-Майне, обсуждал границы германского национального государства, которое предстояло провозгласить. Территории, исторически ставшие датскими или французскими, или этнически бывшие польскими или чешскими, были определены как германские. Германский либерал Вильгельм Йордан (1819—1904 гг.) стал глашатаем немецких претензий на польскую территорию. Он взывал к „здоровому” национальному эгоизму, противопоставляя его „абстрактной” справедливости, и к праву на завоевание „плугом и мечом”, а немцев, признававших справедливость польских притязаний, называл предателями своего народа. К концу 1848 г. мечта о братстве равноправных народов при всеобщем демократическом справедливом устройстве уступила место призывам, основанным на „исторических правах”, на „реальности” силы и на предполагаемых жизненных или стратегических нуждах наций. Либеральный германский историк Фридрих Кристоф Дальман (1785—1860 гг.) провозгласил во Франкфурте 23 января 1849 г., что „сила — это единственное, что может удовлетворить и насытить желание свободы, которая возбуждает, но которая сама по себе еще не понята. Ибо в жажде свободы сокрыта и жажда власти, большей чем дарованная прежде. Германия должна, наконец, стать одним из величайших государств европейского континента”.

Оглядываясь на события 1848 г., английский философ Джон Стюарт Милль уже в следующем году поставил необычайно проницательный диагноз сложившейся ситуации. Он с прискорбием констатировал, что национализм делает человека безразличным к правам и интересам любой части рода человеческого, „кроме той, которая зовется тем же именем и говорит на том же языке, что и он сам”. Он охарактеризовал новое чувство национальной исключительности и призывы к историческим правам как варварские и горько заметил, что в „отсталых частях Европы и даже Германии (где можно было ожидать лучшего) национальное чувство настолько пересиливает любовь к свободе, что народы готовы помогать своим правителям сокращать свободу и независимость людей, не принадлежащих к их расе или не говорящих на их языке”.

Изменение характера национализма в середине XIX в. наб-

людается не только у немцев, но у всех народов Центральной и Восточной Европы. Новый дух насилия, прославления героических деяний, оживления мрачного прошлого и его использования в качестве источника вдохновения — все то, что омрачило горизонты ХХ в. — все это впервые высветилось в 1848 г. Не был исключением и папа Пий IX, вззошедший на священный престол в 1846 г. как либеральный реформатор и завоевавший большую популярность в Италии своим решением послать папские войска на соединение с сардинской армией для войны против католической Австрии. В самом начале кампании, 30 мая 1848 г. сардинская армия, побежденная во всех своих столкновениях с австрийцами, выиграла незначительную и не имевшую серьезных последствий битву при Гойто. Через 44 года великий итальянский поэт Джозуэ Кардуччи (1835—1907 гг.), вспоминая об этой победе в поэме „Пьемонт“, возвышенно воспевал „кровавый пар, вздымавшийся над полем битвы“. Нетерпение повсюду возвело насилие и бунт, поставленные на службу нации, в ранг высших моральных ценностей; национальное самопожертвование заменило мученичество святых. Тот же дух ощущался и вне Центральной Европы — в Ирландии, а позднее в Азии. Мексиканский национальный гимн, написанный в 1854 г., звучал как призыв к войне. „Отечество! Отечество! — поется в его последних строфах, — Твои сыны клянутся принести свое последнее дыхание на твой алтарь, когда раздастся воинственный призыв твоих труб к доблестной битве. Тебе — оливковый венец! Им — славия память! Тебе — лавры победы! Им — почетная могила!“ Столетие этой поэмы „рычащих пушек“ было отпраздновано в 1954 г. по всей Мексике с необычайной торжественностью.

Всегда имелись под рукой ученые и писатели, готовые найти исторические и моральные обоснования национальных претензий и указать, что их народ и его нужды представляют собой нечто исключительное, к чему общие правила неприменимы. В запутанных конфликтах исторических претензий и контрпретензий национальные страсти достигали высокого накала, и историческое исследование нередко становилось служанкой национальных чаяний, а личная свобода оставалась в небрежении. В итоге получилось так, что революции 1848 г.

по всей Центральной Европе не смогли укрепить дело свободы несмотря на искренний идеализм многих их участников. Поляки и пруссаки, датчане и немцы, чехи и немцы, хорваты и итальянцы, славяне и венгры, поляки и украинцы враждовали друг с другом. Эти националистические столкновения помогли возродиться силам абсолютизма эпохи Меттерниха. Идеалы 1848 г. потерпели поражение прежде всего потому, что они пробудили националистические страсти, а также от недостатка мудрости, предписывавшей терпение и компромисс. Конструктивным принципам предпочли энтузиазм риторики. К 1852 г. Вторая республика во Франции скончалась, никакого видимого продвижения к объединению Италии и Германии достигнуто не было. Однако дух национализма витал в воздухе; его главный носитель — средние классы — увеличили свою численность и экономическую силу; их националистические чаяния были осуществлены в двенадцатилетие 1859—1871 гг., но осуществили их не революционные идеалисты, а донационалистические правительства, действовавшие в собственных интересах; не народы на баррикадах, не голоса в парламентах, а битвы регулярных армий и ухищрения международной дипломатии. После 1848 г. национализм вступил в эпоху, которая характеризовалась немецкими терминами (ибо немцы сыграли ведущую роль в этом преобразовании) „махтполитик“ и „реальполитик“ — эпоху политики, основанной на силе и интересах, а не на принципах гуманизма.